

УДК: 75.03:821.161.1

КОНСТАНТИН БОГАЕВСКИЙ
И МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

Ябуров Сергей Иванович,

*литературовед,
ведущий сотрудник ЦНИИЧЕРМЕТ им. И. П. Бардина
(РФ, Москва),
тел.: +7 495 302-80-00*

В статье описывается история личных и творческих взаимоотношений двух крупных художников Серебряного века – Константина Богаевского и Максимилиана Волошина. Кроме художнического таланта, любви к искусству и искренней дружбы, их связывает безусловная любовь к крымской земле.

Ключевые слова: Константин Богаевский, Максимилиан Волошин, Серебряный век, Восточный Крым, Киммерия, Коктебель, Париж, живопись, акварель.

Одни сверкали нам вдали
Созвездий пламенные диски;
И где бы ни скитались мы,
Но сердцу безысходно близки
Феодосийские холмы.

М. Волошин. «Другу», 1915

В 2012 году исполнилось 140 лет Константину Богаевскому и 135 лет Максимилиану Волошину, художественным представителям Серебряного века, воспевших в своем творчестве природу Восточного Крыма и явившим собой образцы общечеловеческой и творческой дружбы.

Оба страстно любили Восточный Крым: феодосиец Богаевский, как свою родину с детства, а уроженец Киева, Волошин, в 16 лет впервые здесь появившийся и поселившийся с матерью, исходивший пешком эту землю от Феодосии до Судака еще в гимназические и студенческие годы.

Исключенный со 2-го курса из Московского университета Волошин, побывавший в ссылке в Средней Азии, повидавший почти всю

Европу, включая благословенное Средиземноморье Италии, Греции и Испании, прошедший школу самообразования в Париже и уже став известным поэтом и журналистом, литературно-художественным критиком и, наконец, художником, ощущал Коктебель своим домом. Волошин, первый среди своих современников стал широко именовать землю от Керчи до Нового Света, древнегреческим, гомеровским именем Киммерия и создал здесь в Коктебеле свой знаменитым Дом Поэта.

Богаевский, с раннего детства проявивший одаренность и трудолюбие в рисовании, получил творческое напутствие от великого И. Айвазовского и его ученика Фесслера, окончил в 1897 году Петербургскую Академию художеств в мастерской профессора А. Куинджи. успешно представив к защите диплома конкурсную картину «На горах». Прославленный профессор за свой счет организует для выпускников Академии поездку за границу в Германию, Францию, Австро-Венгрию и знакомит их с художественными собраниями Берлина и Дрездена, Мюнхена и Кельна, Парижского Лувра и Версаля, Страсбурга и Вены, с картинами старых мастеров и современников.

В этом же году студент Московского университета Волошин из письма своего друга, феоdosийки Александры Михайловны Петровой, впервые узнает о Богаевском, закончившем Академию художеств и удостоившемся похвалы в газете «Новое время». Богаевский, изучая искусство русских и европейских мастеров, не стал их подражателем, а в трудных поисках создавал свой стиль романтического и исторического пейзажа. Вернувшись на родину, он почти три года в уединении изучал природу горного Крыма, делая массу этюдов и карандашных зарисовок. На их основе Богаевский в 1902-1905 годах создает свои первые пейзажные полотна на темы восточного Крыма. Среди них картины «Древняя крепость», «Последние лучи», «Пустыня» и ряд других. Картины эти показывают величественный, но сумрачный лик родной земли, гор и моря; впечатляют ощущением тревожного, трагического безмолвия земли. Эти произведения успешно были представлены на ежегодных российских и международных выставках в Петербурге, на «Мюнхенском Сецессионе», в Париже, Вене, Лондоне и сразу же заставили говорить о нем как о большом, самобытном мастере. Кроме известности эти выставки принесли ему встречи с замечательными людьми, ставшими его верными друзьями.

Среди них художник Константин Кандауров (1865–1930) на всю свою жизнь бескорыстно взявший на себя заботы по устройству выставок и продажи картин, по обеспечению художественными материала-

ми. Это, наконец, и Максимилиан Волошин, оказавшийся в соседнем Коктебеле.

Решив оставить юридический факультет в Москве, Максимилиан Волошин продолжил свое образование в Париже, впервые с матерью побывав там осенью 1899 года. С 1901 года в Париже посещает художественные круги, среди которых много русских художников, писателей и коллекционеров. Он блестяще начинает свой творческий путь в поэзии и журналистике, а для профессионального подхода к работам в области литературно-художественной критики и искусствоведения про-

*Максимилиан Волошин и Константин Богаевский.
Коктебель. Дом Волошина. 1930 год*

ходит школу рисования в мастерской художницы Е. С. Кругликовой (1865–1941), в натуральных классах парижской художественной академии Коларосси и в студиях англо-американский художника Уистлера (1834–1903) и швейцарского художника Стейлена (1859–1923). Здесь он достигает известного мастерства в быстрых набросках с натуры. осваивает технику темперы, гуаши и акварели, познает достижения французских импрессионистов и японских художников. Ознакомившись с первыми работами Волошина, посланными им в 1902 г. для

оценки Петровой, которые она без согласия автора показала Богаевскому, последний предостерегает Волошина от влияния французской манеры живописи. Это вызвало бурный протест Волошина в адрес Петровой. Тем не менее через год, состоялось личное знакомство Волошина с Богаевским, его неприязненный отзыв о первых работах Макса забыт, и между ними завязывается настоящая дружба до конца жизни.

Максимилиан Волошин, почти его ровесник, поэтическое и художественное творчество которого развивалось параллельно с творчеством Богаевского. Тема Киммерии их объединила и сдружила. Оба они серьезно и требовательно относились к искусству и своей работе в нем, одинаково понимали нравственность, каждый считал друг друга своим учителем. Они часто вместе писали этюды, но никогда не копировали друг друга. Фактически это была творческая переключка.

Волошин один из первых дает в печати высокую доброжелательную оценку картинам Богаевского с проникновенным, основательным анализом истоков его творчества, называет имена его учителей-художников Куинджи и Пуссена, Лоррена и Мантенью. Волошин по существу открыл глаза современников на живопись Богаевского, настойчиво ее пропагандируя и внедряя его имя в сознание публики. Статья «Константин Богаевский», опубликованная в журнале «Апполон» (1912, №6. С. 5–21), дает оценку историческому пейзажу:

«Искусство Богаевского целиком вышло из земли, на которой он родился. Для того, чтобы понять его творчество, надо узнать эту землю; его душа сложилась соответственно ее холмам и долинам, а мечта развивалась, восполняя ее ущербы и населяя ее несуществующей жизнью...

Земля Богаевского – это «Киммерии печальная область». В ней и теперь можно увидеть пейзаж, описанный Гомером. Когда корабль подходит к обрывистым и пустынным берегам этих унылых и торжественных заливов, то горы предстают повитые туманом и облаками, и в этой мрачной панораме можно угадать преддверье Киммерийской ночи, какою она представлялась Одиссею. Там найдутся и «узкие побережья со священными рощами Персефоны, высокими тополями и бесплодными ивами». Дальние горы покрыты скудными лесами. Холмы постепенно переходят в степи, которые тянутся вплоть до Босфора Киммерийского, прерываемые только мертвыми озерами и невысокими сопками, дающими пейзажу сходство с Флегрейскими полями. Огонь и вода, вулканы и море источили ее рельефы, стерли ее плоскогорья и обнажили мощные и изломанные костяки ее хребтов.

Здесь вся почва осеменена остатками прошлых народов: каменщик, роющий фундамент для дома, находит другие фундаменты и че-

репки глиняных амфор; копающий колодец натывается на древние могильники; в стенах домов и между плит, которыми замощены дворы, можно заметить камни, хранящие знаки орнаментов и несколько букв оборванной надписи; перекапывая виноградник, «земледелец находит в земле стертую монету, выявляющую лик императора».

Камни и развалины этой страны безымянны. Как для греков, так и для более поздних народов, выдвигавших сюда передовые посты своих колоний, Киммерия всегда оставалась пределом ведомых стран. Связанная с историческими судьбами Средиземного моря, она была лишь захолустьем Истории. Народы, населявшие ее, сменяли один другой, не успевая ни закрепить своих имен, ни запомнить старых» [2, с. 167].

Ему вторит Г. Петров, критик «Русского слова», говоря о Богаевском как о художнике соизмеримом с Айвазовским и Куинджи – «многогранную красоту Киммерии счастливо поделили три киммерийских таланта. Айвазовский взял красоту моря... Куинджи пленился красотой лунных сияний... и восходящее светило живописи К. Богаевский остановился на обожженном, изборожденном шрамами, ссадинами и морщинами лике киммерийской земли...» [6, с. 72.].

Путешествие Богаевского в Италию и Грецию в 1909 г. не только обогатило новизной впечатлений, но и помогло раскрыть в крымской природе много нового, что раньше только смутно ощущалось. «На смену прежним работам сумрачного колорита приходят картины, носящие отпечаток нарядной декоративности» [1, с. 61–62]. Это известные «Воспоминание о Мантенье», «Героический пейзаж». 1910, «Классический пейзаж». 1910, «Итальянский пейзаж». 1911. Он пишет много эскизов акварелью и на их основе по заказу миллионера Рябушинского в 1911-1912 гг. создает три декоративных панно для торжественного зала в особняке, сооруженном в Москве знаменитым архитектором Федором Шехтелем. Панно эти стали одним из главных украшений особняка [6], ставшего Домом приемов МИДа и известного теперь во всем мире.

В десятых годах XX-го века творчество художника Богаевского и поэта Волошина достигло своего расцвета. Первый сборник стихов Волошина изданный в 1910 году, художественно оформленный Богаевским, отразил его странствия и блуждания в поисках себя, драматические столкновения с реальной жизнью и представил великолепные, изысканной формы поэтические пейзажи восточного Крыма в циклах «Киммерийские сумерки», посвященных Богаевскому, и «Киммерийская весна».

Хотя Волошин подолгу живет и творит в Париже, но душой он связан с Крымом. Вот строки из стихотворения, посвященного Аделаиде Герцкык в конце 1908 года:

*...Мне Париж, желанна и знакома
Власть забвенья, хмель твоей отравы!
Ах! В душе – пустыня Меганома,
Зной и камни, и сухие травы...*

[3, с. 28.]

Волошин отмечал в автобиографии «историческая насыщенность Киммерии и строгий пейзаж Коктебеля воспитывают дух и мысль» [4, с. 249]. «Пейзажи Восточного Крыма – полынные нагорья и равнины, выжженные солнцем, скалы, море и суровая нагота земли – стали глубоко созвучны Волошину», они помогли ему перенести «тяжесть личных переживаний, ощутить сыновность и сиротство своего пребывания в мире». И Волошин осознает Коктебель как предопределенный ему дар судьбы, землю, «...где подобает жить поэтам, где есть настоящее солнце, настоящая нагая земля и настоящее Одиссеево море» [5, с. 32].. У него, как и у Богаевского, создается тесная связь человека-творца с местом, где он живет и созидает. В последующем, в годы гражданской войны Волошин создает проникновенные стихотворения «Карадаг» и «Коктебель», являющиеся настоящим гимном природе Киммерии.

В трудные годы революции и гражданской войны Волошин неоднократно поддерживал своего друга материально, устраивая на преподавательскую работу, хлопоча о снабжении его академическим пайком, добывая рисовальную бумагу и краски.

А Богаевский, получив от Советской власти охранную грамоту на свою мастерскую, кроме своих картин сохранял от разграбления многие полотна Айвазовского, которые в 1921 г. были переданы в национализированный Музей художественных ценностей, открытый в доме Айвазовского. В последующие годы он деятельно работает в художественных мастерских при Феодосийской картинной галерее им. И. К.-Айвазовского и в Обществе охраны памятников искусства. По поручению Общества он зарисовывает исторические памятники Крыма. Особенно его вдохновляет работа на ансамбле генуэзской крепости в Судак. О нем в своем путеводителе по Восточному Крыму И. М. Саркизов-Серазини сообщает: «Швейцарский археолог Дюбуа де Монпро в середине XIX века писал: «Нельзя себе представить руин более прекрасных, величественных и вместе с тем меланхолических, нежели руины Судакской крепости», а известный русский историк М. П. По-

годин отмечал «Во всей Европе нет развалин живописнее этих, никакие рейнские замки не сравнятся с ними» [11, с. 97-98].

На базе этих зарисовок в 1923 г. Богаевский создает альбом из 20 литографий. Одна из них «Сутдайя» – фантазия на тему генуэзских крепостей в Киммерии. Пять акварелей, сделанных с натуры в 1924 г, экспонируются в Генуе в Музее банка святого Георгия с 1925 г. [7, с. 173-175].

Богаевский очень ценил Волошина, как «большого художника и редкого человека», любил и дорожил его дружбой. Стихотворение Волошина «Другу» (1915), начало которого взято в эпитаф, характеризует основу этой дружбы:

*Одни сверкали нам вдали
Созвездий пламенные диски;
И где бы ни скитались мы,
Но сердцу безысходно близки
Феодосийские холмы.*

и заклинание от бед и печалей:

*Да оградит тебя Господь
От Князя огненной печали,
Тоской пытающего плоть,
Да защитит от едкой стали,
От жадной меди, от свинца,
От стерегущего огнива,
От злобы яростного взрыва....*

Написанное в Биаррице, когда уже шла Первая Мировая война, стихотворение было отправлено художнику в Крым. Так они и шли рядом дорогами и перепутьями. И пока жив был поэт, его молитва берегла художника, но через 10 лет после смерти поэта, в 1943 году именно от взрыва бомбы на улице Феодосии погиб и художник.

В 30-е годы Богаевский много и успешно работал над созданием индустриальных пейзажей и картин городов будущего, главным в его творчестве до его гибели в 1943 году оставались пейзажи восточного Крыма. Значительным достижением этого периода являются панорамы «Планерная бухта», «Чертов палец», картины «Феодосия», «Тавроскифия» и «Крымская Кампанья», явившие собой обобщенные образы берегов Чёрного моря от Феодосии до новосветских гор.

Искусство Богаевского, вобравшее в себя многие достижения мастеров прошлого, прославилось тем, что в самобытном художественном стиле отразило природу Киммерии с ее обожженной землей и роскошными островами зелени, с ее морем, волшебными горами и с ее уникальной Судакской крепостью, в ярких образах исторического и романтического пейзажа.

В начале своего художественного пути, живя в Париже, Волошин создает яркие зарисовки деятелей своего окружения (А. Франса, П. - Пикассо, К. Бальмонта и др.). Но логическим развитием его живописного дарования стал переход к пейзажу, сначала городскому в Париже, затем в путешествиях по Испании к горным и архитектурным композициям, написанным темперой [1, с. 175].

С начала 20-х годов и до своей кончины Волошин создает, так называемую, большую коктебельскую сюиту, включающую тысячи акварелей. Воспетая ранее в стихах Киммерия нашла свое отражение в этих акварелях.

По воспоминаниям искусствоведа Э. Миндлина, Волошин писал акварели «...с увлечением, вдохновенно и с таким же мастерством, с каким писал стихи. В сущности, почти все они об одном и том же – о мудрости и красоте близкой ему киммерийской земли и неба над ней!

Но в этих малых кусках земли и неба поэт и художник видел неисчерпаемые миры! Эти ...с графической четкостью выписанные пейзажи.. сродни полуфантастическим пейзажам... Константина Богаевского. Коктебельские пейзажи – писанные кистью поэмы камней, скал, изгибов, размывов почвы. Написанные не с натуры, а по памяти эти акварели с необычайной поэтической точностью передают общий характер пейзажа» [9, с. 422–423].

Свои акварели Волошин часто сопровождал стихотворными подписями. Пейзажи его характерны благородной сдержанностью, классической ясностью и величественной простотой, в них ощущается связь с античным миром:

*Я вижу грустные торжественные сны –
Заливы гулкие земли глухой и древней,
Где в поздних сумерках грустнее и напевней
Звучат пустынные гексаметры волны.*

«В работах Волошина большую роль играет море как живописный образ и как исторический мотив. Море это огромное зеркало, реагирующее на малейшие изменения освещения и цвета неба, оно помогает верно взять общий тон пейзажа и цветовые отношения его деталей, делая такими гармоничными его акварели. В историческом смысле море в этих пейзажах не только стихия природы, но и извечное средство

связи культур и поколений, связи Крыма с античным миром, Византией и Генуей» [8, с. 14].

Своеобразие творческого метода создания пейзажей Киммерии по памяти, глубина их содержания и совершенство художественной формы поставили Волошина в ряд выдающихся мастеров акварели.

Уже после смерти поэта, Богаевский, вспоминая первые работы М. А. маслом с натуры в начале 1900-х, вскоре после их знакомства, в письме С. Н. Дурылину дает характеристику живописи своего друга: «Мне кажется, что только работа с натуры красками и карандашом природы Коктебеля, его холмов, долин, скал и моря и вызвала впоследствии этот цикл стихов, посвященных Киммерии. Делить, ставить врозь его живопись и поэзию, мне кажется, никак нельзя, и поэзия его, по крайней мере, Коктебельские стихотворения, скорее вытекает из занятий живописью с натуры, а не наоборот» [10, с. 149]. Это была оценка художника. А дружба двух певцов, «ликодателей» Киммерии уже вошла в миф об этой земле.

Список литературы

1. Барсамов Н. С. Айвазовский в Крыму. Очерки об Айвазовском и художниках Л. Ф. Лагорио, А. И. Фесслере, К. Ф. Богаевском, М. А. Волошине, М. П. Латри / Н. С. Барсамов. – Симферополь: Изд-во «Крым», 1970.
2. Волошин М. Константин Богаевский / М. Волошин // Волошин М. Собрание сочинений. Т.5. – М.: Эллис Лак, 2000.
3. Волошин М. Перепутал карты я пасьянса... / М. Волошин // Волошин М. Собрание сочинений. Т. 1. – М.: Эллис Лак, 2003.
4. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 7, кн. 2 / М. А. Волошин. – М.: Эллис Лак, 2000.
5. Волошин М. А. Стихотворения и поэмы / М. А. Волошин. – СПб., 1995.
6. Воронова О. П. Над Понтом Эвксинским. К. Богаевский / О. П. Воронова. – М.: «Советский художник», 1982.
7. Емец С. Г. Под сенью муз / С. Г. Емец // Судак. – Симферополь.: Изд-во «ЧерноморПРЕСС», 2002.
8. Каменов В. С. Вступительная статья В. С. Каменов // Пейзажи Максимилиана Волошина». – Л.: Художник РСФСР, 1970.
9. Миндлин Эмилий. Из книги «Необыкновенные собеседники» / Э. Миндлин // Воспоминания о Максимилиане Волошине. – М.: Сов. пис., 1990.
10. Письмо К. В. Богаевского к С. Н. Дурылину 29 декабря 1932 / Р. Д. Башенко. К. Ф. Богаевский. – М.: Изобр. Искусство, 1984.
11. Саркизов-Серазини И. М. По Восточному Крыму. Путеводитель. Гос. Изд-во географической литературы. – М.: 1958.

KONSTANTIN BOGAEVSKY
AND MAXIMILIAN VOLOSHIN

Yaburov Sergei Ivanovich,

literary scholar;

*leading Fellow of Central Research Institute of Ferrous Metallurgy named I.P. Bardin
(Russia, Moscow)
tel.: +7 495 302-80-00*

The article describes the history of personal and artistic relations between the two major artists of the Silver Age - Constantine Bogayevsky and Maksimilina Voloshin. Besides the artistic talent, love to art and sincere friendship they are connected by the indisputable love to the Crimean land.

Keywords: *Konstantin Bogaevsky, Maximilian Voloshin, Silver Age, Eastern Crimea, Cimmeria, Koktebel, Paris, painting, watercolor.*

References

1. Barsamov N.S. Aivazovsky in the Crimea. Essays about Aivazovsky and artists L.F. Lagorio, A.I. Fessler, K.F. Bogaevsky, M.A. Voloshin, M.P. Latri / N.S. Barsamov. Simferopol: Publishing house "Crimea", 1970.
2. Voloshin M. Konstantin Bogaevsky / M. Voloshin // Voloshin M. Collected Edition. V.5. Moscow: Ellis Lak, 2000.
3. Voloshin M. I messed card solitaire ... / M. Voloshin // Voloshin M. Collected Edition. V.1. Moscow: Ellis Lak. 2003.
4. Voloshin MA Collected Edition. V. 7, Book 2 / M.A. Voloshin. Moscow: Ellis Lak. 2000.
5. Voloshin M.A. Poetry and poems / M.A. Voloshin. SPb. 1995.
6. Voronov O.P. Over the Euxine. K. Bogaevsky / O.P. Voronov. Moscow: "Soviet Artist".1982.
7. Yemets S.G. Under the canopy of muses. An article in the book "Sudak". Simferopol: Publishing house "ChernomorPRESS". 2002.
8. Kemenov V.S. The introductory article of V.S. Kamenov // Landscapes Voloshin. Leninrad. 1970.
9. Mindlin Emilia. From the book "Extraordinary interlocutors" / E. Mindilin // Memoirs of Maximilian Voloshin. Moscow. 1990.
10. K.V. Bogayevsky's letter to S.N. Durylin. December 29, 1932 // R.D. Baschenko. K.F. Bogaevsky. Moscow. 1984.
11. Sarkizov-Serazini I.M. for Eastern Crimea. Moscow. 1958.

